

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

Ч. М. Таксами

ПЕРВОБЫТНОРОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ У НИВХОВ

Нивхи (гиляки) — небольшая народность, проживающая в районах Советского Дальнего Востока — на Нижнем Амуре и Сахалине. Населяя эти места с древних времен, она сохранила до наших дней многие элементы традиционной культуры.

В настоящей статье мы приводим некоторые материалы о первобытнородовых отношениях и старинных верованиях, бытовавших у нивхов в основном в прошлом. Все материалы собраны автором во время неоднократных поездок к нивхам Сахалина и Нижнего Амура. Эти материалы имеют определенную этнографическую ценность, тем более, что в последние годы материалы о пережитках религиозных верований и родовых отношений нивхов в нашей этнографической литературе не публиковались.

СЛЕДЫ ПЕРВОБЫТНОРОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Старшее поколение нивхов, прежде всего мужчины, помнят о своей родовой принадлежности. Женщины же плохо помнят, как назывался их род. Это объясняется тем, что их выдавали замуж в раннем возрасте (10—12 лет). Молодое же поколение нивхов, которым сейчас меньше 40 лет, очень мало знает о своих родовых отношениях.

По сообщению стариков, в нивхских селениях проживают представители следующих родов:

В амурских селениях

Пад — Дехаль, Керкпиң, Тёран, Твабиң

Сусанино (Мхыль) — Дехаль

Акша — Арђоң

Дыльма — Хирлоң, Тапқал, Тёран

Тыр — Твабинқал, Арђоң

Кальма — Эђлафиң, Твабиң, Дехаль, Тапқал, Ыарамлан, Аймакан, Там-
лавон, Арлоң, Хирлоң, Чирлоң

Романовка — Твабинқал, Тапқал, Арђоң

Тахта — Тёран, Тапқал, Пилавон, Ыарамлан, Твабин, Лезђран, Аймакан

Новотроицкое (Хез) — Пилавон, Кеңран
Чильма — Арһон
Вайда — Кегның, Лезңран, Лумрпиң, Хирлоң

Амурский лиман

Мыс Мы — Пилавон, Кеңранқал
Красовка — Вазһфин, Эһлфин, Тёран, Мыбиң, Кегнын, Нёньлақ, Твабин,
Йоһлафиң, Тыфының
Коль-Никольское — Лезңран, Акқал, Тёран, Пилавон
Лиман — Кегның, Тыфының, Пилавон, Чоран, Арһон
Пуир — Лумрпиң, Пхегының, Пилавон, Лезңран, Чфының
Макаровка — Луңрпин, Ыгның, Лезңран, Товнын, Тарһон, Кегның,
Чфының, Товның
Остров Байдукова (Лангр) — Пилавон, Хутифиң, Кегның, Лезңраң
Половинка — Арһон

На Сахалине

Пырки — Товныңқал, Чомипиң
Тенги — Тыкфиң
Чингай — Пилавон, Лезңран
Крыво — Чомипиң
Романовка (Луполово) — Чфының, Полхпиң, Лезңран, Чыйвың, Пилавон,
Нёньлаң, Пыркифиң, Тарһон, Чыйвың, Тёран, Ноһлан, Ыкның,
Чомипиң, Товның, Неньлик, Кегның, Тыкфин, Хыйгнын
Москальво — Чфының, Тивның, Пняһоң
Ныврово — Тарһон, Ноһлан, Матьһарпин
Некрасовка — Пняһоң, Ыкының, Тыфының, Тёран, Тарһон, Чыйвын, Пи-
лавон
Музым — Тёран
Чир-унвд — Тулавон, Ускфин, Руйфин, Ыаньвон, Хоэфин, Ршаңифиң,
Крыузфиң, Тевркайрш, Арқайфиң, Уршкршфиң, Тлавон, Усквон,
Чхармпиң, Секвон
Трамбаус — Ршаңифиң.

Как мы видим из приведенных данных, в большинстве перечисленных селений проживают представители многих нивхских родов. Это объясняется тем, что в последние годы было проведено объединение нивхских колхозов. Последнее повлекло за собой слияние нивхских селений с различным родовым составом. Только в отдаленных селениях, в основном в тех, которые были оставлены основной массой колхозного населения, по-прежнему проживают пожилые нивхи — сородичи.

Исследуя расселение нивхов в историческом плане, мы замечаем, что за последние сто с лишним лет граница расселения нивхов не изменилась. За пределы этих районов в указанный период выехало не более десяти семей. Нивхи, как правило, не покидали своих селений. Только в редких случаях отдельные семьи переселялись в другие селения к своим сородичам. Многие нивхские селения, зафиксированные еще в середине XVIII в., существуют и в наши дни. В нивхских селениях наблюдается в целом устойчивое бытование отдельных родов. В 50—60-х годах мы посетили в нивхских селениях представителей родов, ко-

торые были зафиксированы в этих селениях Л. Я. Штернбергом еще в конце XIX — начале XX в. и А. М. Золотаревым в начале XX в. и др.¹.

В годы Советской власти, особенно в связи с колхозным строительством, происходило переселение нивхов. Это привело, как мы говорили выше, к концентрации в одном населенном пункте представителей разных родов.

Выше мы привели более 60 названий нивхских родов. По этимологии названия нивхских родов можно объединить в несколько групп. К первой группе относятся роды, названия которых происходят от наименований животных: Лезнран (от *лезң* «медведь»), Кегның (от *кегның* «мелкая нерпа»), Тевркайрш (от *теврк* «птица») и др.

Встречая нивхские роды с такими названиями, А. М. Золотарев считает бесспорными «факты существования у гиляков родов, ведущих свое происхождение от животных и носящих названия этих животных». По его мнению, это свидетельствует о существовании у нивхов тотемизма, правда либо в возникающей, либо в разложившейся форме. В качестве доказательства Золотарев приводит пример из жизни рода Кегның. Он пишет, что члены этого рода во время охоты на мелкую нерпу *мачкенга* не смеют убивать ее спящую, они должны разбудить животное и только после этого стрелять в него или бить колотушкой по голове. Отправляясь охотиться на нерпу, члены этого рода не могут останавливаться в доме родичей. На охоте роду Кегның запрещается и пить чай около огня. Когда нерпа убита, ее голову разрезают особым способом служащими для этой цели ножами, а нос, язык, глаза бросают в воду в жертву «хозяину моря». Голову нерпы выставляют на шесте у моря. «Это заставляет предполагать, — пишет А. М. Золотарев, — что нерпа некогда была тотемическим животным рода Кегның»².

Названия второй группы родов происходят от прозвищ людей: Тарһоң (от *тарһоидь* «шуметь»), Ноһлаң (от *ноһл* «вонючий») и др. Происхождение названия рода Тарһоң нивхи объяснили нам следующим образом. Когда охотники этого рода добывали нерп, они создавали шум: бегали по воде, брызгали, шлепали по воде руками; эти действия по-нивхски называются *фачфачайт т'арһойдь*. От слова *т'арһойдь* произошло и название рода Т'арһоң.

Название рода Ноһлаң в переводе означает «вонючий род». Это название возникло так. Мясо убитых медведей, нерп и других зверей охотники не успевали обрабатывать и съедать, и оно гнило в домах, на вешалах и в других местах, издавая тяжелый запах. Поэтому соседи называли этот род Ноһлаң.

На Сахалине проживают представители многочисленного рода Тёран. В селении Музъм (на Сахалине) в 1961 г. нам рассказали историю происхождения названия этого рода. Хозяин одного дома делал шашлык из хвоста рыбы, который называется *тёран ңыки*. В это время пришел гость из другого рода, и хозяин стал хвастаться, что он живет лучше, чем другие, но тут к гостю вышла дочь и сказала: «Хвост шашлыка сгорел», тем самым открыв секрет, что шашлык всего лишь из хвостов рыбы. Рассерженный отец убил дочь, а род его с тех пор стали называть Теранчыки.

¹ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933; А. М. Золотарев, Пережитки родового строя гиляков района Чомэ, — «Советский Север», 1933, № 3; «Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—1928 гг.», Хабаровск — Благовещенск, 1929.

² А. М. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934, стр. 14—15.

Третья группа родов означает названия месяцев: Хирлон, Арлон и др. Наименования четвертой, наиболее распространенной группы связаны с названиями местности. Конечно, происхождение названий нивхских родов, как и сама структура рода, требует дальнейшего исследования.

Мы предполагаем, что в прошлом нивхи входили в состав больших социальных объединений — родов. Впоследствии в процессе развития из нивхских родов выделялись группы и поселялись в других местах, образуя новую группу. При разделении рода «ломали огниво», которое хранилось у старшего в роде. Некоторые локальные группы стали носить прежнее родовое название. Например, название Арһон носит группа нивхов, проживающих в сел. Акша, Кальма, Чильма, Лиман, Половинка и др.; Лезцран — нивхи в сел. Тахта, Вайда, Коль-Никольское, Пуер, Макаровка, Лангр, Луполово, Чингай и др.; Кегныц — нивхи сел. Вайда, Красовка, Лиман, Макаровка, Лангр, Луполово и др. Но большинство локальных групп, поселившись на новом месте, стали носить названия местности, куда они переселились, — названия рек, заливов, мысов, бухт и т. д.

По имеющимся у нас сведениям, в сел. Бологлинка (Чилви-на-Амуре) жил род Хирлон. Локальные группы, отделившиеся от него и поселившиеся в сел. Кальма, называют себя Кальмбин, в сел. Вайда — Вайдафин и т. д.

Нивхи из рода Кеңран, поселившись в Новотроицке (сел. Хез-Амур), называют себя Хезбин (или Пилывонкал), а в других местах Пилавонкал (жители сел. Пилаво на Сахалине). По сообщению нивхов, в сел. Тахта поселилась группа, отделившаяся от Лезцран, которая стала называться Твабин.

Среди локальных групп встречаются и названия, совпадающие с названием рода негидальцев. К ним относится Тапкал, Хатхиль, Аюмкан и др. Это получилось потому, что отдельные негидальцы, поселившись среди нивхов, женились на нивхских женщинах и положили начало новой локальной группе с их родовым названием, так как нивхские женщины, выходя замуж, считаются членами рода мужа. В дальнейшем эта группа, хотя и носила негидальское родовое название, фактически была нивхской, и члены ее считают себя нивхами. То же самое случилось и с нивхами Твабин. Один китаец, поселившись среди нивхов, женился на нивхской женщине. Впоследствии образовавшаяся в результате такого брака группа нивхов, проживавшая в сел. Пад, стала называться Дехаль (Де — фамилия китайца, халь — «род»). Нивхи этой группы, нося название Дехаль, помнят, что они в то же время составляют часть нивхов группы Твабин.

Нивхи — кровные родственники, входящие в состав одного рода, обозначали друг друга термином *ран*. Поэтому все древние названия нивхских родов состоят из двух частей: названия животного, месяца и т. д. плюс слово *ран*. Например, Лезцран, Кеңран, Тёран и др. Но мы не можем согласиться с А. М. Золотаревым, который переводил слово *раран* как «жить»³. Впоследствии, видимо под влиянием тунгусо-маньчжурских народов, нивхи стали обозначать род заимствованным от них словом *қал*. Этим словом стали оформлять старинные нивхские названия родов — Лезцранкал, Кеңранкал, Арһонкал и др. В позднейших локальных названиях употребляли только слово *қал*. Таким образом, мы можем предположить, что эти локальные группы стали выделяться.

³ А. М. Золотарев, Пережитки родового строя гиликов района Чомэ, стр. 54.

из нивхских родов сравнительно недавно, уже после проникновения к нивхам культуры тунгусо-маньчжурских народов.

В брачных нормах нивхов существовало правило, согласно которому род брал жен не из того рода, куда отдавал своих женщин, а из другого. Таким образом, каждый род оказывался связанным брачными узами по крайней мере с двумя родами.

Помня свои родовые отношения, нивхи старались соблюдать при бракосочетании экзогамные нормы. Конечно, идеальным считался брак, заключенный с дочерью брата матери, родного или агнатного.

Правда, эти брачные нормы стали нарушаться в конце XIX — начале XX в. и в последующие годы, хотя старики старались их соблюсти. В наше время они также нарушаются молодыми. Во-первых, несколько родов вступают в брачные союзы с женщинами одного рода. Например, женщины из рода Лезцран выходят замуж за мужчин родов Товныңқал, Чомипин, Пыркифин, Тарҕоң, Чфының; из рода Чфының — за мужчин из родов Лезцран, Пилавон, Чыйвың, Кегның; из Ыкының — за Пнеҕвон, Тераң, Тьфының, Лезцран; из Крыузфин — за Руйфиң, Наньвон, Тлавон, Ршаңифиң, Уршкршфиң, Усквон, Секвон; из Кегның — за Пхегның, Ыгның, Луңрпин, Кегның, Эһлфин, Тёран, Нёньлак и др. Кроме того, в брачных нормах наблюдаются прямые нарушения экзогамии. Так, внутри некоторых родов наблюдаются брачные союзы между отдаленными родственниками. Такие браки мы наблюдали между членами родов Тлавон (сел. Чир-Унвд, Сахалин), Тёран (сел. Красовка, Амурский лиман), Кегның (сел. Красовка, Амурский лиман), Пнеҕоңқал (сел. Некрасовка, Сахалин), Тлавон (сел. Чир-Унвд, Сахалин).

Имеются примеры, когда представители двух родов связаны между собой брачными узами следующим образом. Некоторые женщины одного рода выходят замуж за мужчин другого рода, и наоборот. Так, например, мы зафиксировали в районах Сахалина, как женщины из рода Тарҕоң вышли замуж за мужчин рода Чфының, и наоборот. Такие же связи между представителями родов Усквон и Наньвон (сел. Чир-Унвд), Руйфиң и Тлавон (сел. Чир-Унвд) и др.

Нарушение экзогамных норм привело к сплошной цепи родственных связей вступающих в брак. Недаром нивхи часто говорят: «Мы все родственники». Бывая в нивхских селениях, не раз можно услышать констатацию нивха, что «он женился на своей сестре», «она вышла замуж за своего брата», «он все равно что женился на своей матери», «он женился на своей племяннице» и др.

Производя посемейную перепись нивхского населения, Л. Я. Штернберг подробно описал классификационную систему родства и реально еще бытовавшие у нивхов пережитки группового брака. Согласно нормам группового брака, нивх мог вступить в брачное сожитие со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, но с тем ограничением, что старший брат не имел прав на жен младших братьев.

Эти нормы как пережиточное явление существуют и в наши дни. Например, среди нивхов с 1956 по 1962 г. мы встретили шесть случаев двоеженства. Как правило, вторыми женами были вдовы старших братьев. Встречаются семьи, где женами являются вдовы братьев или сестры покойных жен. Кроме того, как и в прошлом, братья называют своими детьми детей братьев. Дети в свою очередь называют отцом братьев своего отца, а сестер своих матерей своими матерями, добавляя только слова *пила* «старший» и *матьки* «младший».

Между сородичами существует коллективная взаимопомощь. Конечно, хранителями этой традиции являются старики. Они сами соблюдают и внушают ее близким родственникам и детям. Например,

нивхи считают своим долгом делиться с ближайшими сородичами пойманной рыбой, мясом добытого зверя, собранными ягодами, орехами и другими съедобными плодами. Нивхские семьи считают своей обязанностью выделять часть полученного урожая картофеля, капусты, лука, а также соленую рыбу и другие продукты тем семьям, которые по ряду причин не смогли заготовить или недостаточно заготовили их в запас. О своем решении нивхи сообщают нуждающейся семье, и члены этой семьи могут получить продукты в нужное время.

Среди нивхов бытует и такое правило: семьи, имеющие домашний скот, при появлении приплода считают его собственностью своих детей. Иногда для этого устанавливается очередность: сначала получают старшие, а потом младшие дети. Некоторые семьи нивхов дарят приплод домашнего скота своим нуждающимся сородичам. В повседневной жизни принято угощать родственников лакомыми блюдами.

Некоторые нивхские семьи безвозмездно выделяют часть своих денежных средств своим нуждающимся родственникам. Это чаще всего делают те, кто имеет хорошие заработки. Они покупают детям своих сородичей в подарок платья, ботинки и другую одежду.

Нивхи проявляют большую заботу о сородичах-стариках и детях умерших родственников. Детей воспитывают обычно братья их отца. При этом последние никогда не делают различия между своими детьми и детьми братьев, даже проявляют к последним больше внимания. Старики же, если у них нет своих взрослых детей, живут у своих племянников или внуков. В районах расселения нивхов имеются дома престарелых. Но старики не соглашались поселиться в них, им трудно оторваться от привычного быта.

Для сирот построены детские дома, но обычно родственники не отпускают их туда, а воспитывают детей сами. Сейчас большую роль стали играть школы-интернаты, где дети нивхов получают воспитание и образование, находясь на полном государственном обеспечении.

Родовые связи проявлялись при проведении медвежьих праздников. В прошлом эти праздники проводились почти в каждом нивхском селении, где медведей содержали в клетках. Но постепенно нивхи перестали проводить такие праздники. Раньше всего от них отказались нивхи Амура. В 1957 г. был проведен последний медвежий праздник на Амурском лимане (сел. Чоми). В 1962 г. мы видели медведей в клетках в сел. Пильтун и Чайво на Сахалине.

В этих празднествах убоя медведя принимали участие все представители рода-устроителя. Они совместно несли все расходы и хлопоты. Так, например, на устройство последнего медвежьего праздника в сел. Чоми было израсходовано более тысячи рублей. Основные расходы легли на семью его устроителя — Григория Хора, но большую лепту внесли также и его сородичи.

Родовые отношения проявляются при организации похорон членов рода. Как правило, на похороны приезжают сородичи покойного, проживающие в соседних селениях. Но на последние поминки, которые бывают обычно осенью, приезжают родственники даже из дальних мест, ибо, по поверьям нивхов, на этих поминках нивхи окончательно прощаются с покойным, и он переселяется в мир умерших. После этого кладбище больше не посещают, даже стараются не вспоминать об умерших.

Приезжая на похороны и на поминки, сородичи по возможности принимают участие в расходах, вкладывая деньги и привозя продукты. Сородичи, приехавшие из других селений, уезжают только после окончания поминок. После похорон организуют трехдневные поминки,

если умер мужчина, и четырехдневные, если умерла женщина. Столько же дней продолжаются последние поминки, которые обычно проводят в осеннее время. В период поминок нивхи не выполняют никакой работы, даже домашней.

СТАРИННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ И ЗАПРЕТЫ У НИВХОВ

Нивхи по своему мировоззрению были анимистами. Не зная законов природы, сознавая свое бессилие перед ней, нивхи Амура и Сахалина считали возможным обеспечить себе желаемое благополучие путем строгого выполнения всевозможных обрядов и запретов. В памяти нивхов еще сохранились обряды и запреты, связанные с жизнью в определенном селении, с постройкой жилища и жизнью в нем, с переселением из одного пункта в другой, хотя в настоящее время эти обряды и запреты лишь изредка соблюдаются стариками.

По представлениям нивхов, каждое селение имело своих «хозяев»: хозяина земли — *мифыз*, хозяина воды — *толыз* и хозяина неба — *кур*, от которых зависела как сама жизнь, так и здоровье и благополучие всех жителей. В связи с этими представлениями существовал обряд «кормления» хозяев, проводя который они считали, что «хозяева» пошлют им хороший улов рыбы, удачную охоту, здоровье, а также сберегут от смерти.

Покидали нивхи свое селение только в исключительных обстоятельствах. Смерть членов семьи, в особенности детей, плохой улов рыбы нивхи объясняли недоброжелательным отношением к ним *мифыза* «хозяина земли». Поэтому по приезде на новое местожительство люди приносили жертву хозяину данной местности. Жертвоприношение должно было совершиться в течение девяти дней со дня приезда. Обряд жертвоприношения совершался в лесу. Во время жертвоприношения глава семьи говорил: *Мифыза ньын намагур хумгуя. Охлагу моркагурхумгуя. Ньың ах чоһо, ңаһо малһогур ңың гуя* («Хозяин земли! Сделай, чтоб мы хорошо жили. Чтоб дети были живы и здоровы. Сделай, чтоб мы много добыли рыбы, зверя»).

Дома новые хозяева устраивали угощение, на трапезе присутствовали все жители села. Обычай жертвоприношения называется *мифыз ардь* («хозяина земли кормить»). Жертву приносили для того, чтобы хозяин земли уберег семьи от всяких болезней и несчастий, щедро вознаградил их, послав им богатый улов рыбы и зверя. Считалось, что если один-три месяца после поселения члены семьи будут здоровы, будет богатый улов рыбы и удачная охота, то хозяин земли принял пришедших на новую землю. Если же члены семьи начнут болеть и умирать, плохо ловится рыба и плохая охота, это означает, что «хозяин земли» не принимает их. В таких случаях семья часто переселялась на новое место.

При отъезде кого-либо из членов семьи, в частности детей, нивхи устраивали «кормление хозяина» данной местности, которое называлось *кыз ңыңдь* «счастье искать». Такое «кормление» устраивалось и при возвращении на родину после длительного отсутствия. Во время «кормления» нивхи обращались к «хозяину земли» с просьбой предохранить детей от болезней, послать им благополучие в пути и хорошее здоровье. Считалось, что, если обряд не будет проведен, отъезжающий может заболеть и даже умереть. Обряд обычно совершает мать отъезжающего. За день-два до отъезда женщины готовят еду. Поздно вечером накануне отъезда отъезжающий пробует пищу понемногу из каждой

чашки. После этого мать берет по ложке каждого кушанья и кладет на блюдо, а затем уносит это блюдо в лес за село. С нею идет и отъезжающий. Здесь она маленькой ложкой бросает еду на землю. Первая ложка предназначается «хозяину земли», где располагалось селение, другая — «хозяину земли», где родилась сама мать, третья — «хозяину местности», куда уезжал сын. «Кормление» сопровождалось просьбой: *Ты мива киңыгур оҥлагу ныңгуя т'а муйныгуя* («Эта земля, сделай, чтобы мои дети благополучно путешествовали и не болели»).

Кроме того, отъезжающему давали с собой табак (листовой). По приезде на новое место он должен был зарыть его в землю. В этом заключалось «кормление» земли. При этом также произносились слова: *Мива ныхнамагур хумгуя т'а муйныгуя* («Земля, сделай, чтобы я хорошо жил и не болел»).

У нивхов проводились и большие религиозные праздники. Среди них особое место занимали такие праздники, как «ледостав Амура», «вскрытие Амура» и «кормление неба». Каждый из этих праздников имел определенное религиозное значение.

Праздник ледостава (*толь фындь*) в буквальном переводе означает «в воду бросать». Иногда нивхи просто называли его *тол ардь* «воду кормить». Праздник устраивался сразу после ледостава. День праздника назначался старейшим жителем селения. По его указанию каждая семья готовила лакомую еду: *рақ* «каша», *мос* «студень из отвара рыбьей кожи», *холодь* «ягодная смесь», *ма* «юкола» и т. д. В назначенный день поздно вечером хозяин каждой семьи брал с собой приготовленную еду и сушеный хвост осенней кеты и шел на Амур к своей проруби. В первую очередь в прорубь со словами *қа — қа* — *қа* опускался хвост кеты. По представлениям нивхов, он предназначался для ездовой собаки «хозяина воды» — *тол қан ардь*. После этого с соответствующими словами из каждого блюда в прорубь бросали по немногу еды для самого «хозяина воды». Затем все шли домой и оставшейся едой угощали односельчан. Присутствовать при «кормлении» могли только мужчины. Женщины в это время сидели дома на нарах, даже ходить по полу им запрещалось. На следующий день в селении устраивались танцы, гонки на собаках и т. д.

Праздник вскрытия Амура проводился по тому же ритуалу, как и ледостав. Добавлялись только гонки на лодках. До совершения обряда «кормления» Амура нивхи не ловили рыбу, так как в будущем хозяин воды мог не послать рыбы.

Третьим общесельским праздником являлся *члырах чыунды* «праздник неба». Он проводился с установлением зимней дороги по Амуру.

Посреди селения ставили три срубленные лиственницы в плане треугольника. Вокруг них усаживались старики, а за ними — молодые. Лиственницы мазали приготовленной едой и обливали водкой, кровью свиньи и петуха, которых резали здесь же⁴. Старейший нивх тут же обращался к хозяину неба с рядом просьб. После угощения лиственниц оставшуюся пищу ели все присутствующие. В этот день никто не работал и нельзя было никому отдавать свои вещи. Считалось, что вместе с вещами переходило и счастье.

По представлениям нивхов, в небе живет «хозяин», которого называют *тлы-ыз* или *кур*. «Хозяин неба» «следит» за всеми людьми, «фиксирует» новорожденных и назначает срок их смерти. Чтобы расположить к себе этого могучего хозяина, нивхи устраивали ему угощение.

⁴ Возможно, древний обычай жертвоприношения свиньи и петуха заимствован нивхами от соседних тунгусо-маньчжурских народов.

В конце статьи приводится текст, в котором рассказывается о «хозяине неба» (см. текст 1).

В прошлом все религиозные праздники обычно носили родовой характер, но со временем в связи с разложением рода в них иногда стали принимать участие все жители села.

Постройка жилища и жизнь в нем связаны у нивхов с многочисленными обрядами и запретами. Место для возведения зимнего жилища обычно выбирал самый старший в роде, проживавший в данном селе. Место выбиралось такое, на котором до этого не было никакого строения. Иногда для выбора места приглашали шамана. Шаман «узнавал», есть ли там злые духи. Если шаман «угадывал» наличие духов, строительство жилого помещения переносилось на новый участок, который указывался шаманом. Перед началом постройки нивхи клали плоские чистые камни, а чаще кремни и ветки шиповника в ямы, вырытые для угловых столбов жилища. После этого ставили столбы. Это, по представлению нивхов, делалось для того, чтобы злой дух — *кинс* не мог сделать дырку в столбе и через нее пробраться в жилище. Ветки шиповника предохраняли столбы от злых духов. Для устрашения последних под столбы закладывали и большие сушеные щучьи головы с острыми зубами.

Случалось, что перед укладкой первого венца отдельные семьи по совету шамана сыпали муку на то место, где строилось жилище. Если на следующий день утром тонкий слой муки оставался нетронутым или на нем обнаруживали след человеческой ноги, это считалось хорошим признаком, и жилище продолжали строить. Если же там находили отпечаток человеческой руки или лапы зверя, то это считалось плохим признаком, и жилище строили на новом месте.

После окончания постройки под порог (с внутренней стороны жилища) клали камень, который нивхи называют особым словом — *нить-вах*. Этот камень находился там всегда. Нивхи считали, что под порогом жил хозяин, оберегавший вход от злых духов. Нивхи западного побережья и северной части о-ва Сахалин после окончания постройки жилища на пороге его на ночь клали топор, чтобы ночью злой дух не проник в жилище. В день окончания постройки во время заката солнца хозяин, зайдя в дом, наблюдал, нет ли в жилище сияния, и прислушивался, не раздастся ли в нем треск. Если в это время раздавался треск или скрип, то это считалось плохим признаком и свидетельствовало о том, что в дом пробрался злой дух.

В новом доме поселялись сразу после окончания строительства, боясь, чтобы злые духи не опередили хозяев. После заселения хозяева вновь построенного дома устраивали специальное угощение, которое называлось *тив-ардь* «дом кормить». Для этого на каждом из углов дома убивали по одной собаке. Иногда ограничивались тем, что убивали двух собак на двух передних углах. Это, по-видимому, зависело от материального состояния семьи. Кровью удушенных собак смазывали все углы. Собачьим мясом угощали гостей. Кроме того, готовили и другие лакомые нивхские блюда: студень — *мос*, кашу — *рақ* (ее смешивали с нерповым жиром), особую ягодную смесь — *холодь*, ягоды — *алс*. Для угощения запрещалось готовить только жареные блюда.

Хозяин дома брал из каждого блюда кусочки и смазывал ими отдельные части нового жилища: князевую балку и поддерживающие ее столбы, место соприкосновения князевой балки с опорными столбами, маленькое отверстие на передней фронтовой стене; затем бросал кусочки пищи в огонь. При этом хозяин обращался к каждой части жилища со словами: *Урла дыф муйа. Ньюолагу кинң ыгур хумгуйа. Та сидьха*

гин колафта-хумгуйа («Будь хорошим домом. Сделай, чтобы мои дети счастливо жили. Сделай, чтобы они не болели»). После этого почетные гости — пожилые мужчины и старики усаживались за стол, приступали к еде и пили водку. Каждый из гостей считал своим долгом повторить молитвенные слова хозяина дома. Нивхи считали, что в этих частях жилища живут особые духи-хозяева. Поэтому эти части «кормят» всегда, когда приготавливают вкусную пищу.

Самым почетным местом в доме у нивхов считалась задняя на-ра — *п'онах*. Здесь принимали самых почетных гостей и здесь же совершалось жертвоприношение. В старых домах над дверью с наружной стороны подвешивали черепа собак, обвязанные старой сеткой. В срубных бревенчатых домах русского типа собачьи черепа подвешивали на чердаке, у переднего фронтона. Собачьи черепа подвешивали и над входом в летние жилища, так как считали, что они охраняют дом от проникновения в него злых духов.

После вселения в новый дом рядом с ним в землю втыкали две длинные палки: одну у передней, другую у задней поперечной стены — *чхуу зигр*. Между ними протягивали веревку, на которую вывешивались изображения солнца — *к'ең*, луны — *лоң* и стружки — *гах*. Иногда видимо, подвешивали и изображения топора и ножа. Это называлось *тыв зигдь* или *тыв-зякодъ* «дом укреплять». Подобное культовое сооружение, по словам нивхов, предохраняло дом и его обитателей от возможных несчастий.

Многочисленные запреты были связаны с жизнью в доме, их нивхи соблюдали очень строго. Каждый род имел свое родовое огниво. С огнем в доме было связано много запретов, которых нивхи строго придерживались. Первым в новом доме разжигал очаг и зажигал свечу самый старший в семье, и только родовым огнивом. Очаги и лампу в доме могли зажигать и тушить только члены семьи одного рода. Очаг очищали только утром. Очищать очаг и выносить золу вечером означало накликасть болезнь и смерть на кого-нибудь из домашних.

Во время медвежьего праздника очищали очаг от золы, углей, меняли в нем землю и разжигали огонь огнивом, принадлежащим данному роду. Прежде чем разжечь огонь, устраивали небольшое угощение хозяйке или хозяйину очага. Если в доме имелись два очага, то медвежье мясо варили только на *палэк'ур* — очаге, обращенном в сторону леса. Вечером или ночью, когда кто-нибудь из семьи выходил из жилища, нельзя было гасить лампу, так как вышедший, по представлениям нивхов, мог умереть. Если огонь или лампу гасил человек из чужого рода, то это считалось большой обидой. Виножник должен был уплатить штраф *нить лытть* «отдать собак, корыто» и т. д.

Когда член рода или семьи, живший в данном доме, переселялся в другое место, старший в роде обламывал половину огнива и передавал старшему из покидавших дом. Этим огнивом они должны были зажечь огонь на новом месте. Это же огниво следовало передавать другим членам рода для той же цели. Отсюда выражение «ломать огонь» стало означать расселение рода.

По представлениям нивхов, в очаге жил «хозяин» или «хозяйка огня» — такой же человек, как и сам нивх. Они обладали большой силой — давали тепло, варили мясо, рыбу, кипятили воду, охраняли нивхов от несчастий. «Хозяина огня» нивхи считали также посредником между человеком и природой, способным помогать нивху во время охоты. Пока охотник спит, «хозяин огня» охотится за него. Если «хозяин огня» не убил для него ничего, то и охотник ничего не добудет. Поэтому, когда охотник приносил жертву огню перед охотой, он считал, что

подкрепил силы «хозяина огня» и обеспечил себе счастливую охоту. При любых обстоятельствах и в любом месте нивхи во время еды «угощали» огонь — бросали в него то, что сами ели. Прибыв на место охоты, охотник в первый же день обязательно перед едой бросал в огонь одну порцию для «хозяина огня». В конце статьи приводится текст, где показано отношение нивхов к огню (см. текст 2). Считая, что в огне живет его хозяин — человек, нивхи не трогали огонь (в настоящее время и печку) ножом, не плевали в огонь. Если кто-нибудь случайно ронял в огонь нож или задевал концом его печь, то на это место сыпали табак. У плюнувшего в огонь, по представлениям нивхов, могли появиться фурункулы на языке и на лице, а у женщин будет болеть грудь.

Когда мужчины находились на охоте, оставшиеся дома придерживались строгих правил, которые передавались из поколения в поколение. Соблюдение этих обычаев, по мнению нивхов, имело целью предохранить охотника от трагической смерти, способствовать удачной охоте. Нарушение их считалось большим преступлением. Например, женщинам было строго запрещено вышивать узоры, ибо считали, что, как замысловато кружится под рукой женщины вышивка орнамента, так и охотник может заблудиться в тайге или бесконечно кружиться по одной и той же дороге. Нельзя было в это время приглашать в дом шамана с бубном, так как звуки бубна дают отзвуки в самострелах, поставленных охотником, и зверь, услышав их, может убежать. Песни также отпугивают зверей. Нельзя мешать тесто — оно на расстоянии может залепить глаза. Нельзя выносить из дома через дверь вещи сестры охотника и везти их на лодке, а также нельзя выносить из дома вещь и отдавать ее кому-нибудь, даже члену своего рода, если она пролежала в доме ночь. Нельзя выносить огонь из дома и нельзя выпускать гостей на ночь. Женщины в своем доме не причесывались и ухаживали расчесывать волосы в дом, из которого никто не ушел на охоту, иначе загрязнится пол и на пути охотника может встретиться непроходимое болото.

Если мужчины уходили охотиться на морских зверей, оставшиеся дома также соблюдали ряд запретов. Женщины никоим образом не должны были стирать в доме хозяина лодки. Ничего нельзя было передавать друг другу через огонь, ибо в таком случае тюлень, по мнению охотников, подойдя к неводу, мог переплывать через него. Гость в доме не должен был прикасаться к ручке котла или чайника, а если все же это нечаянно происходило, он должен был оторвать от края рукава лоскуток материи и положить его на очаг⁵.

Нивхи очень боялись нечистоты женщин, как признака опасности. Женщины считались особенно опасными в периоды беременности, родов и менструаций. Менструальная кровь была до такой степени нечистой, что ее «боялись» даже медведи; прикосновение женщины к медведям считалось самым неприятным актом, от которого могли возникнуть неприятности и несчастья. Женщинам, как нечистым, запрещалось рожать дома. И поэтому в любое время года, в любой час дня или ночи роженица должна была покидать дом и рожать в шалаше, специально сооруженном для этого, куда никто не мог входить, за исключением бабки. Общение с роженицей разрешалось только после особых очистительных обрядов, которые заключались в следующем. После рождения ребенка сразу приносили домой. Роженица оставалась в шалаше после родов четыре дня, если рождалась дочь, и три дня, если рождался сын. По истечении этого срока она переезжала

⁵ Е. А. Крейнович, Морской промысел гиляков дер. Куль, — СЭ, 1934, № 4.

в чистую одежду, причесывала волосы. Считая, что нечистота женщины может передаваться через одежду, в которой она рожала, одежду заворачивали и хранили в амбаре до следующих родов. В доме женщина после родов находилась на полу у очага, где специально для этого была настелена солома. Здесь она жила в течение трех дней, если родила сына, и четырех дней, если родила дочку. В последний день установленного срока роженица вставала рано утром, переодевалась и уносила в амбар постель и одежду. После этого умывалась, причесывалась и уже могла лежать на нарах. После родов, когда роженица заходила в дом или выходила из дому, от нее оберегали огонь, закрывали его или тушили. Это делалось в течение трех дней. Нивхи считали, что если не оберегать огонь от роженицы, то не будет ловиться рыба. В продолжение пяти дней после родов в доме не разрешалось останавливаться гостям и людям из другого рода. Менструирующая женщина не должна была прикасаться к огню очага, готовить пищу для жителей дома. Обряд очищения женщины у нивхов назывался *psarnd*⁶ — самолечение.

С момента рождения ребенка и до того времени, пока он не станет взрослым, основной заботой родителей являлось ограждение ребенка от злых духов, которые могут проникнуть в дом. Если дети умирали сразу после рождения и это повторялось несколько раз, родители совершали своеобразный обряд. На Амурском лимане нам его описали так. Новорожденного вносят в дом и кладут у порога. Бабушка подметает пол и весь подметенный сор высыпает на ребенка. После этого его поднимают, отряхивают сор и несут к нарам. Иногда новорожденного кладут на лопату и волочат до нар. Считают, что этим выгоняют злого духа, который мог войти в дом вместе с ребенком.

На Сахалине, когда в какой-либо семье умирали новорожденные, чтобы предохранить ребенка от смерти, его вносили в дом не через дверь, а сквозь прорытое под нижним бревном задней стены дома отверстие. Отец ребенка просовывал из дома через это отверстие лопату для отгребания снега, а мать выходила из шалаша, подносила новорожденного к отверстию и клала на лопату. Отец протаскивал сына в дом и нес его на лопате до двери. В это время в дом входила специально приглашенная девушка и переступала через лежащего на пороге ребенка. Е. А. Крейнович считает, что протаскивать ребенка сквозь отверстие значит запутывать дорогу злому духу⁷.

Строгих обрядов придерживались нивхи при смерти человека в доме. Покойника сразу после смерти клали головой в сторону заката солнца. Считали, что там, где заходит солнце, находится мир покойников — *млыво* и что покойник должен отправиться туда.

Покойника-мужчину оставляли в доме на три дня, женщину — на четыре. После выноса покойника из дома у порога и в пол на место, где он лежал, сразу вбивали кусок чугуна. Нивхи говорили, что, когда в пол вбивают чугун, по всему дому раздается стук, и злой дух — *кинс*, который умертвил человека, думает, что его прибьют вместе с куском чугуна и бежит за мертвым. У порога вбивали чугун, чтобы злой дух снова не зашел в дом. После выноса покойника дом под карнизом крыши обвязывали веревкой. Делали это для того, чтобы злые духи не увидели, что в доме умер человек. Если же этого не сделать, то злые духи соберутся в доме, чтобы умертвить и других членов семьи. Вережка служила как бы забором, который огораживал дом

⁶ Е. А. Крейнович, Рождение и смерть человека по воззрениям гилияков, — СЭ, 1930, № 1—2, стр. 94.

⁷ Там же, стр. 94.

от злых духов. Вережку не снимали, с течением времени она истлевала и падала.

Вбивание куска чугуна в пол и в порог и натягивание веревки вокруг дома называется по-нивхски *тыв-зякаодь*, что в буквальном переводе значит «дом укреплять». Это делали для того, чтобы предохранить от смерти остальных членов семьи.

При покойнике в доме амурские нивхи не разрешают громко разговаривать, шутить и смеяться. Считается, что этим можно обидеть покойника. Автор статьи много раз присутствовал на похоронах и наблюдал это. На Сахалине же, пока покойник в доме, окружающие его веселятся, шутят, смеются; считается, что молчание в доме покойника — грех. Это заметил и Л. Я. Штернберг⁸.

Ночью, когда в доме кто-нибудь умер, зажигают две свечи или лампы: одну ставят у изголовья, другая находится на обычном месте. Утром первой тушат лампу у изголовья покойника. Кроме того, эту лампу необходимо отнести на кладбище. Одна женщина рассказала следующий случай. Летом 1954 г. в сел. Вайда умер ее брат. Родственники умершего вместо двух ламп зажгли одну и не отнесли лампу на кладбище вместе с другими вещами покойного. После этого жене умершего показалось, что ночью приходил муж и стоял у окна. После долгого раздумья отнесли лампу на его могилу. С тех пор муж не стал приходить. Из этого рассказа становится понятным смысл обычая нивхов не оставлять в доме вещи покойника и уносить их на кладбище вместе с умершим.

Во время медвежьего праздника нивхи придерживались культовых обрядов, связанных с жилищем. Медведь, как считают нивхи, не выносит вида менструальной крови, даже может умереть от нее. Поэтому женщины во время медвежьего праздника касались только определенных предметов и ходили по определенному месту в доме. Женщинам и девушкам не разрешалось ходить между задней нарой и столбом, к которому был привязан медведь. Они не могли притрагиваться к столбам, к которым были привязаны медведи.

Во время медвежьего праздника в нивхское зимнее жилище — *торыф* медвежью голову и шкуру вносили через верхнее дымовое отверстие, в наземные жилища — *чандрыф* — через окно на задней поперечной стене. Л. Я. Штернберг считает, что этот обряд является пережитком прошлого, когда нивхи входили в дом через дымовое отверстие. Сами нивхи как на Амуре, так и на Сахалине говорят, что медвежью голову и шкуру не вносили через дверь, так как через порог ходят менструирующие женщины. При выносе головы и шкуры через окно на подоконнике появлялся слой грязи от крови. Эту грязь не смывали никогда. Человек, сделавший это, должен был умереть.

Любопытный обряд совершался в доме во время свадьбы. Перед отъездом из дома дочери ее родители ставили большой чугунный котел — *ла-вынь* на улице у порога. Родители мужа ставили такой же котел у порога в комнате. Молодожены, переступая порог, ступали обеими ногами внутрь котла и только после этого уезжали. Родители мужа забирали и увозили домой котел, который лежал на улице, а свой оставляли родителям жены. И в этом случае родители невесты, если желали, чтобы у дочери родился сын, в свой котел клали вилку, а если дочь, — ложку. Акт обмена котлами между семьями двух родов, видимо, имел хозяйственное значение — свидетельствовал о хозяйственной связи двух семей. Обмен котлами мы имели возможность

⁸ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды..., стр. 80.

наблюдать в 1946 г. в сел. Кальма (Амур). Обряд обмена котлами, как рассказывали нивхи, совершался и после медвежьего праздника. В это время представители рода — зятья оставляли котел с топором возле порога внутри жилища, а хозяева ставили котел с топором возле порога на улице. Затем происходил обмен котлами. Можно предполагать, что семьи двух родов этим актом также подтверждали и укрепляли хозяйственные связи.

Кроме вышеуказанных обрядов и культовых запретов, связанных с жилищем, местом его выбора и жизнью в нем, у нивхов были амулеты, тоже в какой-то мере связанные с жилищем.

У нивхов на нарах хранились различные деревянные идолы. Среди них особо выделялся своей величиной *тывыз*, что в буквальном переводе означает «хозяин дома» (*тив* «дом», *ыз* «хозяин»). Он представляет собой фигуру человека по пояс или в рост, вырезанную из куска дерева цилиндрической формы. Черты лица, прическа обозначены схематично. Фигура завернута в кусок белой материи и обмотана стружками. Хранились эти изображения на специальной полке и на задней наре. Нивхи считали, что эта фигура обладает реальностью живого, наделенного определенной силой человека, который способен противодействовать злым духам. По словам стариков-нивхов, *тывыз* охранял дом и его обитателей от злых духов. Хозяева дома во время еды всегда «кормили» (мазали губу пищей) этого идола. А когда был удачный промысел, ему устраивали настоящее угощение.

Тывыз делали только по совету шамана или по решению самого старшего и уважаемого в семье (роде) человека — *пила нивх* «большой человек» (см. текст 3).

Тывыз являлся родовым покровителем дома и передавался он в роду только по мужской линии. Обращались к родовому покровителю в большинстве случаев при смерти новорожденных и болезнях детей. Но так как у нивхов была большая детская смертность, то почти каждая семья обращалась к нему за покровительством. Поэтому исследователи, посещавшие нивхов, видели в каждом доме эти деревянные фигуры.

Наличие *тывыз* у нивхов было замечено Л. Шренком. «Когда я заставил показать себе идолов в юрте, — пишет Л. Шренк, — то увидел, что на балках над задними нарами стояли три большие человеческие фигуры из дерева со старым, потемневшим от копоти цахом (стружкой. — Ч. Т.) вокруг шеи, как это в обычае у Ольчей»⁹.

О *тывыз* есть сообщение Л. Я. Штернберга, который также наблюдал его у нивхов¹⁰.

В настоящее время *тывыз* хранят только некоторые старики-нивхи на чердаке. В конце статьи приводится текст, рассказывающий о деревянной фигуре *тывыз* (см. текст 3).

Кроме *тывыз* у нивхов имелись разные деревянные идолы — *кең*. Их изготовляли при болезнях детей. Считали, что каждый идол обладал силой «излечивать» определенную болезнь. Ниже приводится описание нескольких идолов, которых автор привез в Музей антропологии и этнографии АН СССР как дар нивхов.

1. *Атқан*. Представляет собой деревянную фигурку тигра, вырезанную из одного куска дерева. Изображение стилизованное. Туловище удлинненное, голова без шеи, с тупой мордой, на которой попереч-

⁹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. III, СПб., 1903, стр. 112.

¹⁰ Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора, СПб., 1908, стр. 127.

ным углублением обозначен рот. Ноги переданы прямоугольными, небольшими выступами, хвост прямой, заостренный на конце. Фигурка разрисована полосами, изображающими шкуру. Такие идолы вырезались по совету шамана для лечения детей. По представлениям нивхов, *атқан* вбирал в себя болезнь ребенка. Фигурку держали в доме, пока ребенок не вырастал, после чего его хранили в амбаре. Выбрасывать фигурку не разрешалось.

2. *Шайка*. Представляет собой две как бы сросшиеся человеческие фигурки, вырезанные из одного куска дерева. Туловища плоские, головы заострены кверху, ноги обозначены двумя прямоугольными выступами, рук нет. На лице намечены глаза и рот. Делали *шайка* при болезни детей от испуга. *Шайка* клали под подушку и держали там до выздоровления ребенка.

3. *Умгу* и *утку*. Представляют собой две деревянные антропоморфные фигурки, каждая из которых вырезана из одного куска дерева. Изображение стилизованное:

а) мужская фигура имеет большую, заостренную кверху голову, на плоском лице обозначены глаза, нос, рот; туловище короткие, цилиндрической формы, обшито лоскутком ткани; руки и ноги отсутствуют;

б) женская фигурка с круглой головой, на лице отмечены брови, глаза, нос, рот. Сзади зарубками изображена коса. Туловище цилиндрической формы; вырезаны согнутые в локтевых суставах руки. На туловище намечен пояс в виде поперечного выпуклого ободка. Эти фигурки делали, если ребенок долго плакал. Считали, что если девочка плачет, она хочет выйти замуж, а если мальчик, — то жениться. Поэтому для девочки вырезалась мужская фигурка, а для мальчика — женская. Хранились эти фигурки в доме до женитьбы или замужества детей.

4. *Пый хапа*. Представляет собой изображение крылатого тигра с сидящим на нем человеком. Фигура тигра изображена зооморфно, намечена голова с тупой мордой, туловище на коротких ногах, которое заканчивается двумя хвостами. В туловище делалось сквозное углубление для крыльев. На спине вырезано другое углубление, в которое вставлено антропоморфное изображение человека. Делали *пый хапа*, когда болели дети, иногда даже и взрослые. Тело больного обтирали стружками, что означало по-нивхски *псутать* «мыться». Стружки клали на изображение тигра, и фигурку рано утром (в 5—6 часов) уносили в сторону восхода солнца и оставляли в лесу. Нивхи предполагали, что *пый хапа* уносит большую грязь с собой. Крылья в фигуре делали для того, чтобы тигр улетел, а человеческую фигуру на нем — для того, чтобы она уносила на себе болезнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что многочисленные религиозные обряды и запреты, по представлениям нивхов, служили главным образом предохранению их, особенно детей, от смерти и всяких болезней и удаче при рыбной ловле и охоте.

РАССКАЗЫ НИВХОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Текст 1. Два молодых нивха из одного селения пошли далеко на охоту. На месте, где они собирались охотиться, остановились у толстой лиственницы, которую могли обхватить только четыре человека. Решили расположиться здесь на ночлег. Разожгли огонь, сварили пищу, поели и легли спать. Один из охотников был холостой, а второй — женатый,

и жена его ждала ребенка. Ночью холостой слышал разговор внутри дерева, но не придавал этому значения, а утром даже и не рассказал своему товарищу. Позавтракав, каждый по отдельности ушел на охоту. Холостой вернулся к середине дня, не добыв ничего. Женатый вернулся поздно с богатой добычей. После ужина прилегли отдохнуть. В это время слышали разговор, который доносился из дерева: «Ой, ноги болят, устал. Где ты был? Везде ходил — по Амуру и по морю. Много людей родилось? Родился только один ребенок, сын охотника, который находится рядом с нами. Я сделал так, чтобы и этот ребенок подавился мясом, и поэтому устроил так, чтобы его отец добыл много мяса».

Охотники решили узнать, кто же разговаривает, стали искать в дупле, залезли даже на вершину дерева, но не нашли никого. Вернулись домой и о слышанном рассказали старшим. Старики им объяснили, что хозяин неба очень могуществен. Он отмечает всех новорожденных и назначает сроки их смерти. По наступлении этого времени люди умирают. Если же «хозяин неба» кем-нибудь недоволен, тот умирает раньше срока. Чтобы умиловить этого хозяина, нивхи делают ему угощение. Они посоветовали нивху устроить угощение, чтобы его ребенок остался жив.

Текст 2. Давно из одного селения отправились два нивха на охоту. Один был добрый, а другой — злой. На месте промысла каждый сделал для себя шалаш и около него разжег костер. Сиделись есть вместе, потом расходились по своим шалашам. Добрый всегда перед едой бросал в огонь немного пищи — *п'и индь ниһрыхку*. Охота у него была удачной, и он добыл лося, оленя, соболя и т. д. Злой же не признавал ничего и не бросал еду в огонь. Он не добыл ничего. Однажды вечером оба охотника сели поест. Добрый достал еду, бросил кусок пищи в огонь и только после этого стал сам есть. Злой охотник спросил у доброго: «Зачем ты бросаешь еду в огонь? Я вижу, что ты это делаешь каждый раз перед едой». Добрый ответил: «Что поделаешь! Когда огонь кормим, он идет вперед меня и задерживает зверя до моего прихода, и я убиваю его. Когда огонь голодный, он не может удержать зверя».

Злой ответил: «Ты врешь. Огонь ест дерево». Добрый охотник в свою очередь спросил у него, кормил ли он огонь перед едой. Злой ответил ему: «Зачем я буду бросать в огонь еду, когда он сам ест дерево. Я кормлю его деревом и, если мало, добавляю еще». Добрый ответил: «Если не веришь, то не корми».

Злой сказал: «Завтра я пойду домой, у меня кончилась еда». Добрый же решил остаться еще на неделю. На следующее утро добрый охотник ушел на промысел. Злой собрал вещи, уложил их на нарту и разжег огонь. Он достал остатки пищи, разделил их на два пая, положил рядом с собой топор. Один пай ел сам, а другой со словами «на, кушай» бросил в огонь. Сам же взял топор и изо всех сил ударил по огню. После этого собрался и уехал домой.

Вечером с охоты к шалашу вернулся добрый человек и услышал стон. Он подошел к шалашу уехавшего охотника и увидел на месте очага голого человека, у которого были одни кости. Из расколотого черепа текла кровь. Истощенный человек позвал охотника: «Заходи. Заходи». Потом добавил: *ыныя ни муныдьра, ньһ'онця* (ньморкуя) («Беда, я умру, оживи меня. Мой хозяин разрубил меня топором и уехал домой. Он никогда не кормил меня и заставлял охотиться»). После этого он попросил охотника: «Выйди, достань еловую серу и положи на разрубленное место на черепе, положи еще две-три ветки и обвяжи стружками голову. Если есть что-нибудь, накорми меня».

Добрый сделал так, как просил истощенный человек, принес ему мяса, юколу и другую еду, которая имелась у него. В ответ человек сказал охотнику: «Когда встанешь утром, уложи свои вещи в нарту и садись сам верхом. Я отдам тебе своих собак, они довезут тебя до дому. Ты шел сюда пять дней, а дома будешь завтра днем. Когда приедешь к краю деревни, собаки остановятся, и ты дай им немного поесть. Дальше вези сани по деревне сам».

Не успел охотник оглянуться, как человек исчез, а вместе с ним и его еда. Утром охотник сделал, как советовал ему человек огня, и приехал домой к предсказанному времени. Дома его встретили родные, односельчане и злой охотник. Односельчане стали расспрашивать об охоте. Он подробно рассказал о хозяине огня. На следующее утро узнали, что злой охотник и вся его семья умерли, даже не проснувшись.

Текст 3. Мною в сел. Кальма на Амуре в 1957 г. от нивха Ячко был записан следующий рассказ. У его родителей умерли подряд пять новорожденных детей, каждый из них после рождения жил не более одного-двух месяцев. По совету шамана в 1906 или 1907 г. семья из сел. Усть-Амгуни переехала в сел. Хок. Кроме того, шаман сказал родителям, что надо сделать *тывыз* — хозяина. Для этого надо поехать на Дальжинское озеро, от озера там отходит речка, по ней нужно ехать до одиноко стоящего ельника. Из елового дерева нужно сделать *тывыз*. Ехать надо летом и всей семьей. Прямо через озеро нельзя ехать, а нужно ехать вдоль левого берега. В пути нужно сделать одну остановку. Если вы счастливы, то после остановки с гор галопом спустится к вам олень. Убейте его и сразу разделайте. У ельника сварите мясо, хорошо отдохните, срубите *тывыз* и на следующий день вернитесь домой по правому берегу озера. После этого дети не будут умирать и все вырастут.

Родители рассказчика сделали так, как сказал шаман. Дома сделанную фигурку поставили на полку, висевшую над задними нарами. После этого у них родилось еще пять детей. Никто из них не умер, и все жили долго. Одним из оставшихся в живых является и Ячко. После смерти родителей *тывыз* хранился у старшего сына. После смерти последнего он хранится у Ячко. *Тывыз* хранят только у мужчин — членов рода, и он не хранится у сестер.

* * *

Из материалов статьи мы видим, что некоторые элементы раннего общественного строя и верований нивхов сохранились и в наши дни. Но они носят лишь пережиточный характер. К тому же эти явления в историческом процессе подверглись ряду изменений.

По нашему мнению, особый интерес представляют данные, показывающие процесс разложения первобытнородового строя нивхов. Мы надеемся, что материалы, приводимые в статье, заинтересуют ученых, занимающихся исследованием проблем первобытнородового строя.